

Сергей ЗАЛЫГИН

223-029

Переписка ред.

Действующее С Л О В О

Писатель Сергей Залыгин — лауреат Государственной премии СССР, главный редактор журнала «Новый мир», автор широко известных романов «На Иртыше», «Соленая Падь», «Комиссия», «После бури», в которых отображены события революции, гражданской войны и наших дней в Сибири. Наш корреспондент Николай Добруха попросил писателя ответить на ряд вопросов, связанных с современным состоянием литературы, с процессами перестройки в духовной сфере жизни общества.

— У нашего литературного поколения есть наследники, которым со спокойной совестью можно передать эстафету неравнодушного художника за будущее жизни на Земле. Они на четверть века, как, например, Валентин Распутин, моложе нас, находятся в расцвете сил, и сегодня мы действуем плечом к плечу. Почему я верю им? Мало ли что может говорить человек, однако главное, как он поступит после своих слов. Для писателя поступок — прежде всего его книга. Но не только книга, но и его деятельность, и его позиция, так как писатель не только пишет, но и живет. Хорошо, когда все эти составляющие создают в нем нечто цельное, а не раздробленное на части, с полной автономией каждой из них.

Но вот есть ли у нас последователи из совсем молодых? Пока не могу назвать никого, кто вступил или вступает ныне в нашу литературу. И это меня тревожит.

А потом... как они могут возникнуть, твои духовные наследники, продолжатели именно твоего писательского дела? Ведь они должны возникнуть прежде всего через художественные произведения. Ведь я Валентина Распутина я узнал вначале как художника, тогда я поверил ему как человеку. Значит, чтобы я узнал и так же поверил в какого-то другого писателя, мне нужно, чтобы он уже был художником.

Я часто узнаю о сегодняшних литературных абитуриентах по их зачастую непривлекательным для меня публикациям. Это Валерий Мозет, и я сам виноват: мало читаю книг и слишком много рукописей по редакции журнала.

Однако тут есть и другие причины. Во-первых, мы с самого начала как-то неправильно ориентируем молодых.

Ведь когда для разговора о литературе собираются старшее поколение и литературная молодежь, все в конце концов начинают говорить не о литературе, а о своем месте в ней. И если это в какой-то мере простительно для тех, кто уже что-то сделал для искусства, то совершенно неприемлемо для остальных, и в особенности для тех, кто только начинает свой путь. Тем не менее такие разговоры, поддерживаемые, а то и разжигаемые, происходят повседневно. И они, убежден, отрицательно сказываются на формировании личности молодого писателя. Мне даже тяжело слушать, когда, скажем, идет разговор о том, кто и как выдался. Или: что такое правда, что такое неправда...

Ведь вопрос: «что такое правда?» — не предшествует творчеству. Он решаетеся каждому писателем конкретно — во время его творчества. А не так, как кажется иным: сначала я решу все философские проблемы — «в чем смысл бытия?», «что такое правда?», «что такое неправда?», «что такое совесть?», а потом уж начну писать. К ответам на эти вопросы художник должен придти по своей совести — через творчество и во время творчества. Сам творческий процесс отвечает на все эти вопросы, а не наоборот. Такое открытие во время письма и есть художественный способ познания и отражения правды жизни писателем. Странно по отношению к литературе заявлять: давайте вначале разработаем программу, а потом по этой программе будем писать. Литература — не промышленное производство, где именно так и только так нужно действовать. А что у нас получается? Разработал человек такую программу — что писать, как писать, где издавать, каких заполучить себе рецензентов, и он уже вроде бы как и писатель. Вот откуда завал редакций журналов и издательства литературным суррогатом.

Иное дело, когда собираются молодым людям задают вопрос: «Кто из современных писателей и почему вам нравится?» Это уже литературный разговор, тем более что литература всегда конкретна. Философия, конечно, может обходиться без примеров и строиться на одной логике, а произведения литературы — сами по себе конкретный пример проявления философского отношения к жизни. Вот и да-

вайте вскрывать философию этих произведений. Что в них — правда, а что — нет! Художники должны уметь прежде всего разбираться в философии конкретного слова. В идеале, исследуя жизнь, и художник, и философ должны прийти в конце концов, хотя и разными путями, к одному и тому же выводу.

Начиная же с чисто философских понятий, на мой взгляд, мы предприняем развитие творческого процесса и делаем его зависимым и несвободным, без чего творчество перестает быть творчеством.

Повторяю: по-настоящему честный и откровенный писатель придет в конце концов к тем же выводам по данному вопросу, что и поданный философ. Вот почему гениальных писателей называют пророками.

Во-вторых, может быть, здесь я и не совсем прав, но не понимаю тех, кто со страшной силой рвется в литературу. Для меня никогда не было такой проблемы. Меня несколько не угнетала перспектива того, что я никогда не стану писателем. Я был инженером-гидрометеорологом, научным работником, защитил кандидатскую диссертацию, десять лет возглавлял в Омске кафедру гидротехнической мелиорации. Интерес к этой моей работе давал и дает мне ту свободу, которая так необходима для творчества. И жаль, что очень многие молодые люди, едва приобщившись к литературе, этой свободой не обладают, ибо их сковывает цель — во что бы то ни стало самоутвердиться в писательском звании. Значит, все время они что-то должны писать, даже несмотря на то, есть ли им что сказать людям или нет.

Между прочим, я до сих пор испытываю везучесть, когда меня называют писателем. Скажем, в поездке приходится знакомиться с попутчиками. Мне становится даже не по себе, если меня вдруг узнают. Сразу начинается другой разговор. И это для меня потеря: я меньше узнаю от собеседника о нем самом. Иной же человек, не задумываясь, называет себя писателем. Одно дело, когда вызывают интерес твои книги, а другое дело — ты сам.

Многие нынешние авторы, став писателями, порвавшись со своими профессиями, и в порою приходится невыносимо тяжело, потому что они

само творчество превратили в профессию. Опять сошлюсь на свой опыт. В этом плане мне легче: по сей день параллельно писательскому творчеству по необходимости я занимаюсь трудом инженера-гидрометеоролога; и хорошо, что эта профессия способствует моему творчеству, которое в свою очередь помогает миллионам читателей осознавать, а значит, и предотвращать ту опасность, какую вижу я как инженер, анализируя действия тех, кто готов превратить природную систему водообращения на планете во вселенский водопровод.

Когда я обращаюсь к проблемам природоохраны, экологии или мелиорации, совершенно забываю, что я писатель. Существующее во мне писательское начало лучше, чем что-либо другое, помогает сделать тревогу инженера всеобщей. Похоже, будучи писателем, я добился большего, ибо возможность инженера подключить к своей борьбе миллионы, как правило, очень мала. Конечно, мне небезразлично, хвалят меня или ругают, говоря: «Да какой он там писатель... Ведь если берешься за дело, должен делать его так, чтобы оно было признано людьми полезным.

К сожалению, такой независимости, незапрограммированности творчества очень не хватает нашей литературной молодежи. Только я слышал: я — поэт, я — писатель, так что — признавайте меня немедленно. А ведь в истории литературы, особенно — русской, писатель — это не только профессиональный литератор. Это — фигуры живые. Толстой или, например, Державин — это ведь еще и русские офицеры...

Когда начинаешь анализировать, зачем же рвутся ныне молодые литераторы и члены Союза писателей, то чаще всего с горечью обнаруживаешь — большинство из них добивается только самоутверждения и прав на восторженное писательское положение.

А между тем писательство — это прежде всего ответственность. Взять хотя бы проблемы, о которых шла речь на нашем недавнем писательском съезде. Удовлетворены ли мы результатами, которых достигли, выступая за спасение природы и в особенности наших рек? Нет! С одной стороны, известное постановление по этому поводу,

Сергей ЗАЛЫГИН

223-029

Переброев реп

Действующее С Л О В О

конечно, прозвучало как предостережение — какими могут быть катастрофическими последствия скоропалительных решений. Но, с другой стороны, авторы проекта читают это постановление, как им выгодно, и как ни в чем не бывало продолжают свою линию, имея в виду — получать отныне деньги не только, как раньше, под проект, но и под экологическое изучение проблемы.

Нет, беда не устранена. Ведь о том, что проект надо закрыть, авторы его пыле и не упоминают. О том, что необходимо без всякой переброев реп прежде всего экономнее и эффективнее использовать местные водные ресурсы — не говорится ни слова. Зато раз за разом повторяют фразу: продолжить экологическую проработку проблемы...

Учитывая, что «Советская Россия» — это трибуна, и которой каждый день приковано внимание миллионов, я обращаюсь с этой трибуны к чувству ответственности тех, кто стоит во главе природопользования, чтобы навести здесь порядок...

Еще я думаю, что процесс общегосударственной перестройки не может обойтись без многообразных крупных культурных акций. Всякое приобщение к нашей современности культурных достижений прошлого, скажем, памятников архитектуры, скульптуры или литературы — есть необходимый процесс в происходящей перестройке, ведущей к духовному обогащению нашего общества.

В связи с этим хочу сказать: чтобы иметь неущерб-

ный кругозор, обоснованное мировоззрение, мы должны знать существующие в мире варианты культуры (по — подлинной культуры, а не разлечных поделок и подделок), не заостряя внимания на том, кто их авторы — люди нашего толка или нет. Для образованного читателя не страшно, если в произведении имеются взгляды, с которыми мы не согласны. Тут должна показаться себя критика, отбросив присущие ей сейчас пустые слова и обратившись к силе убеждения. Кстати, разве когда печатались Достоевский или Толстой, с их произведениями все были согласны? Вероятно, все дело в том, чтобы имеющиеся в тех или иных произведениях безусловные художественные ценности умело приобщить к нашей социалистической культуре. С

другой стороны, познакомясь с такими произведениями, читатель получает возможность собственноручно судить о наших достижениях. Поэтому не исключено, что, когда иные писатели возражают против подобных публикаций, они забывают прежде всего о конкурентоспособности своих творений. Прочтет читатель такие публикации, сравнит и скажет: «Ну что там Залыгин пишет... А вот этот — которого раньше не печатали — этот действительно написал!» Вот если такая болезнь будет руководить мной в оценке художественных произведений, тогда дело дрянь. Тогда это вовсе не дело, а что-то другое.

При всем при этом, разумеется, необходимо чувство меры. Десятисто пять процентов всей нашей журнальной площади, естественно, должно быть отдано современникам. В конце концов журналы издаются для них.

Литература в нашем Отечестве — огромная сила. Своим откровением она реагирует на главные вопросы бытия и не оставляет безразличными тех, с кем говорит. Осознавая многие великие события нашей истории, следует, наверное, сказать: «вначале было слово». Слово — как поступок интеллигента. Действующее слово!